

СЛОМАННЫЙ
РЫЦАРЬ

АДАМ А.

Адам А.

Сломанный Рыцарь

«Автор»

2026

А. А.

Сломанный Рыцарь / А. А. — «Автор», 2026

Его вырастили в лаборатории. Ему дали обозначение. Икс-ноль-один-один. Он не знает, что имя может быть не просто обозначением. Что его можно произнести ласково. Зато он знает другое: когда называют его обозначение, ему приказывают. Поднять руку. Смотреть на свет. Не сопротивляться фиксаторам. С каждым годом его тело выдерживает больше. Психика — нет. Научный руководитель объекта, доктор Адриан Марш, находит решение. Нужен стабилизирующий фактор. Лицо и голос, которые смогут успокоить прототип. Его дочь. Светловолосая девочка, выросшая на том же закрытом объекте. Её настоящий мир — не здесь. Её настоящий мир бережно соткан из тысяч прочитанных книг. Из историй, которые живут внутри неё. Марш не спрашивает себя, вправе ли он связать этих двоих. Нет. Его интересует другое: Сработает ли. Но что будет, если она вдохнёт в него жизнь, и человек, выведенный подчиняться, впервые захочет чего-то сам? А когда они подрастут? Есть ли у них будущее? Такой графы протокол не предусматривал.

© А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30

Адам А. Сломанный Рыцарь

Глава 1

Для руководителя целого лабораторного комплекса этот кабинет выглядел на удивление скромным: широкий стол, два стула и шкаф у стены. Ничего лишнего.

Адриан Марш сидел за столом, уперев подбородок в сцепленные пальцы, и изучал видео-запись. Звук был выключен, и тишину нарушал лишь ровный гул вентиляции.

Марш привык начинать просмотр именно так: сначала видео, потом звук, а затем уже сам отчёт.

Время от времени он слегка прищуривался — так бывало каждый раз, когда детали не сходились.

В левом верхнем углу экрана мигала служебная маркировка.

READAPTIVE TESTING SECTOR

ПОМЕЩЕНИЕ: ПРОЦЕДУРНАЯ КОМНАТА R-1

ПРОТОТИП: RAY-X011

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 12 ЛЕТ

ПРОТОКОЛ: ПЕРВИЧНАЯ БОЛЕВАЯ НАГРУЗКА НАЧАЛЬНОГО УРОВНЯ

Запись шла десятую минуту.

На ней прототип сидел в испытательном кресле с фиксаторами. Руки его лежали на подлокотниках, а серые ремни стягивали запястья так, чтобы непроизвольное движение не могло нарушить работу датчиков. Само же кресло было рассчитано на взрослое тело. И хотя подлокотники перенастроили, а нижний фиксатор сдвинули, он всё равно казался в нём слишком маленьким.

Левую кисть прототип попытался развернуть к себе, но ремень не дал сделать ему это до конца. Его ладонь так и застыла под углом, пальцы были согнуты. Он смотрел на них не отрывая взгляд.

Под ремнём не было крови. Не было повреждения. Не было ничего, что объясняло бы этот пристальный взгляд.

В правой части экрана двигались тонкие линии: пульс, дыхание, температурная реакция кожи. Ни один из показателей не выбивался из нормы.

Нарушений протокола не было.

Марш остановил запись. Кадр замер.

Он отмотал запись на несколько секунд назад и включил звук.

В кабинете тут же раздался монотонный сигнал приборов. Следом прозвучал голос за кадром:

— Оценка боли по шкале от одного до десяти.

Прототип не ответил.

На самом экране почти ничего не изменилось. Только пальцы на его левой руке едва заметно дрогнули.

— Икс-ноль-один-один. Оценка боли.

Пауза затянулась.

— Четыре.

Марш снова остановил запись.

Несколько секунд он изучал застывший кадр, после чего перевёл взгляд на открытый рядом отчёт.

В заключении стояло:

РЕАКЦИЯ НА БОЛЕВОЙ СТИМУЛ: В ПРЕДЕЛАХ ВОЗРАСТНОЙ НОРМЫ
ПЕРВИЧНАЯ БОЛЕВАЯ НАГРУЗКА НАЧАЛЬНОГО УРОВНЯ: ВЫДЕРЖАНА
СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА БОЛИ: НЕЗНАЧИТЕЛЬНО ВЫШЕ ОЖИДАЕМОЙ
ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ: НЕСУЩЕСТВЕННЫЕ

Марш перечитал последнюю строку и вернул взгляд к кадру.

В дверь постучали.

— Войдите.

— Доктор Марш, я по поводу своих наблюдений по прошедшему протоколу.

Тот самый голос с записи, которую он только что изучал.

— Слушаю.

Когда Марш поднял глаза, Лидия Карвер уже стояла перед столом. Он совершенно не заметил, как она пересекла кабинет. Тёмные волосы коротко подстрижены, белый халат застёгнут под самое горло. В правой руке она держала планшет, развёрнутый экраном к себе.

— По всем основным показателям оценка положительная. Первичную нагрузку начального уровня прототип перенёс спокойно. Единственное замеченное отклонение — ответ был дан только после повторного запроса. Оценка боли незначительно выше ожидаемой. Оба пункта внесены в заключение.

— Внесены. Как несущественные.

— Да.

— Физиологические показатели соответствовали более низкой оценке, — сказал Марш.

— Два. Максимум три.

— Он дал четыре.

— Именно.

— Расхождение незначительное.

Марш молча повернул монитор к ней.

— А это?

Карвер перевела взгляд на экран монитора.

— Зрительная фиксация.

— Почему её нет в отчёте?

— Я не стала выносить это в итоговое заключение. Посчитала незначительным.

— Вы разделили всё это на отдельные пункты, — нахмурился Марш. — Задержка ответа. Оценка боли выше ожидаемой. Зрительная фиксация.

— Потому что они не выходят за допустимые пределы.

— По отдельности не выходят. А вместе?

Карвер задержала взгляд на экране чуть дольше обычного.

— В совокупности это может указывать на начало поведенческого замыкания у прототипа.

— Значит, так и пишите в заключении.

Она опустила взгляд к планшету.

— Как риск поведенческого замыкания?

— Да.

Карвер быстро сделала себе пометку.

— Я подготовлю вам исправленное заключение, — ответила она.

— И поведенческие отчёты за последние шесть недель.

— Поняла.

Дверь за ней закрылась почти беззвучно, и Марш остался один.

Он развернул монитор к себе. На экране одиннадцатый всё так же сидел в кресле.

Марш уже видел подобное. У девятого наблюдалась точно такая же фиксация взгляда — только на углу металлического стола в комнате содержания. При этом все показатели тоже оставались в пределах нормы, поведение казалось стабильным. Даже сам Марш обратил внимание на эту странность лишь спустя полтора месяца, когда девятый был уже безвозвратно утерян для программы.

Марш закрыл запись. Закрыл заключение. Затем открыл архив поведенческих наблюдений. Шесть недель. Сорок два дня. Двенадцать видеозаписей.

Он включил первую. На ней прототип сидел на кровати. Спина прямая, руки на коленях. Дверь открылась. Вошёл сотрудник сектора.

— Встать.

Прототип встал.

— Икс-ноль-один-один. Следовать за мной.

Прототип двинулся следом.

Марш переключил запись. Следующая неделя. Тот же ракурс, та же камера, та же кровать у стены.

Дверь снова открылась.

— Встать.

Прототип поднял голову не сразу. Пауза длилась меньше двух секунд, но Марш остановил видео и поставил отметку.

Включил следующую. Третья неделя.

— Встать.

Прототип сидел на кровати, глядя в пол.

— Икс-ноль-один-один. Встать.

Только после повторного приказа он поднялся.

Марш сделал ещё одну отметку.

Четвёртая неделя.

Прототип не спал. Сидел на краю кровати, а его руки безвольно свисали между коленей. Свет в комнате был приглушён до ночного режима. В углу экрана менялось время: 02:14. 02:38. 03:07.

Марш ускорил воспроизведение, и ночь промелькнула за несколько секунд.

Прототип так и не лёг.

Утром дверь снова открылась.

— Встать.

Прототип не реагировал.

— Икс-ноль-один-один. Встать.

Он поднялся. Так же послушно, как и раньше.

Марш отмотал запись и пересмотрел фрагмент. Затем свернул видео и открыл поведенческую сводку.

ГОЛОСОВАЯ КОМАНДА: ВЫПОЛНЕНИЕ СОХРАНЕНО

ВИЗУАЛЬНЫЙ СТИМУЛ: РЕАКЦИЯ СНИЖЕНА

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТАКТ: НЕ ПРИМЕНЯЛСЯ

Взгляд Марша замер на последней строке.

В этот момент в коридоре послышались быстрые, неровные шаги, затем чьи-то подошвы с визгом заскользили по плитке, и следом прозвучал строгий голос Карвер:

— Я же просила тебя не бегать по рабочему коридору.

— Ой! Извините, мисс Карвер, — раздался в ответ звонкий голос. — Я просто торопилась.

Марш медленно повернул голову к закрытой двери, а затем снова посмотрел на монитор. Перед глазами всё ещё горела строка:

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТАКТ: НЕ ПРИМЕНЯЛСЯ

Тем временем за дверью принялись что-то торопливо объяснять Карвер, всё ещё настойчиво пытаясь её в чём-то убедить. Следом из коридора донёсся неловкий детский смех.

Марш вновь поднял взгляд на дверь.

— Карвер.

Шум в коридоре мгновенно стих.

— Да, доктор Марш?

— Пусть она войдёт.

Глава 2

22 месяца назад.

Ряд тусклых ламп под потолком, голый бетон стен и тяжёлые въездные ворота. На схемах объекта это помещение верхнего уровня носило громкое название: «Ангар снабжения».

Марш стоял напротив въезда. Транспорт запаздывал уже на час, а он терпеть не мог ожидания: оно всегда оставляло лазейки для мыслей, не имеющих никакого отношения к делу.

— Адриан, везут уже одиннадцатого на моей памяти, — нарушил тишину доктор Лоуренс Вейл. В голосе старика звучала глухая усталость. — Неужели до них там никак не доходит, что всё это бесполезно? Что исход всегда один. Прототип либо ломается, либо ломает себя сам.

Марш едва заметно поморщился, глядя на закрытые ворота. Его покорило от этого «Адриан». Он не терпел фамильярности, но в случае с Вейлом ему приходилось закрывать на неё глаза. Во-первых, старик был критически важен для текущих расчётов, а во-вторых — именно Вейл стоял во главе этого лабораторного объекта до того, как сверху спустили приказ о переводе Марша.

— Доктор Вейл. — Марш сделал лёгкий акцент на обращении, не поворачивая к нему головы. — Вы снова за своё. Помнится мне, девятый находился в работе около трёх лет.

— Ага. Находился. Пока не сломал себя сам, — выдохнул Вейл.

— Верно, — кивнул головой Марш и наконец повернулся к собеседнику. На его лице скользнула снисходительная улыбка. — Но напомните мне, какой срок выживаемости прототипа считался максимальным до моего назначения?

— Год. Вот максимальный срок, — поджал губы старик.

— Именно.

Марш отвёл взгляд от Вейла.

Он невольно вспомнил своё предыдущее место работы. Тот лабораторный комплекс, пусть и закрытого типа, располагался прямо в черте мегаполиса. Там они пытались создать идеально послушных служебных животных с впечатляющими физическими и умственными способностями. Корректировали их поведение и снимали показатели с успешно выведенных образцов.

В ангаре стояла невыносимая духота. Горячий воздух с улицы просачивался через щель под воротами, и рубашка неприятно липла к спине.

Зной. Точно такой же, как тогда.

Память Марша услужливо распахнулась, окатив его бескрайним горизонтом моря, горячим песком под ногами и выгоревшими на солнце светлыми волосами.

В голове на мгновение зазвучал её смех.

Хватит.

Марш коротко втянул воздух и заставил себя вернуться взглядом к воротам.

Но было поздно. Память уже тащила его дальше. Тащила туда, куда он запретил себе возвращаться.

Несчастный случай на объекте. Нелепая, глупая человеческая ошибка. Чужая, не его.

Ошибка, стоившая нескольких жизней. В том числе и её.

Элина.

Марш тогда сделал всё, что мог: остановил цепную реакцию, вытащил тех, кого успел. И с того дня навсегда вычеркнул из работы человеческий фактор.

Наверху его хладнокровие заметили и оценили. В тридцать пять лет, немислимо рано для учёного, ему предложили возглавить секретный лабораторный объект высшего допуска. И Марш согласился не раздумывая.

Согласился не ради статуса. Согласился ради побега. Прочь из этого города. Города, где каждое место напоминало о ней. Где ему везде мерещился её силуэт.

Ему нужна была именно эта глушь: несколько мёртвых бетонных коробок посреди выжженных солнцем холмов. Здесь, сам того не ожидая, он и нашёл покой.

Но перед тем как дать своё согласие, Марш поставил условие.

В голове снова зазвучал её голос.

— *Ну почему нет, Адри? Ты только послушай, что оно значит. Желанная жизнь. Эвелин.*

— *Потому что я так сказал. Мне не нравится. Моя дочь никогда не будет носить такое глупое имя.*

В ответ она лишь легко рассмеялась.

И условие у Марша было только одно.

Его дочь поедет с ним.

Эвелин.

Те же пшеничные пряди, словно сотканые из солнечных лучей, как говорила Элина. Те же ярко-голубые глаза.

Наверху Маршу пытались навязать элитный интернат. Твердили, что там девочка ни в чём не будет нуждаться, что о ней позаботятся. Но Марш был непреклонен: она едет с ним. И они сдались.

Долгий перелёт, затем несколько часов глухой тряски от ближайшего населённого пункта — и вот они здесь. Тогда, в самый первый раз, Эвелин сидела рядом с ним на жёстком сиденье. Совсем ещё крошечная. Он вёз её в неизвестность, в это бетонное пекло и тишину. Марш прекрасно знал, что обрекает её на изоляцию. Знал — но всё равно не мог иначе. Ведь это неугомонное дитя — всё, что у него осталось от неё.

С оглушительным металлическим скрежетом створки ворот поползли вверх, выдернув Марша из прошлого. Он почти с благодарностью встретил этот звук и только сейчас осознал, насколько сильно у него сжаты кулаки. Марш медленно расслабил пальцы.

Тяжело перевалившись через порог, в бокс вкатился чёрный, покрытый серой пылью фургон с глухим кузовом. Заскрипели тормоза. Боковая дверь отъехала в сторону, и на бетон легко спрыгнул худой невысокий человек. В своей светлой походной одежде он выглядел слегка нелепо — словно турист на сафари.

Это был доктор Конрад Венн.

Марш не знал его точной должности, но был уверен в одном: лаборатория Венна стояла в самом начале цепочки. Именно там создавали и бережно растили генетически модифицированные организмы. Растили, чтобы потом отправить сюда, к Маршу.

И весь этот процесс был лишь видимой частью механизма, о реальных масштабах которого он мог только догадываться.

— А я уж надеялся, что они одумались и решили всё отменить, — проворчал Вейл, глядя на фургон.

Венн направился к ним, как и всегда, излучая привычное радушие.

— Доктор Марш! — Он протянул сухую руку и энергично пожал руку Марша, после чего отвесил скупой, формальный кивок Вейлу. Тот ответил точно так же. Взаимное презрение между ними было таким же плотным, как и жара в этом боксе.

— Позвольте переговорить с вами наедине. — Голос Венна стал чуть тише. Он взглядом указал в сторону, предлагая отойти от Вейла.

— Разумеется, — спокойно ответил Марш.

Они отошли, оставив Вейла стоять одного.

— Доктор Марш... Наш многоуважаемый мистер Норт в последнее время зачастил к нам с визитами. У него, видите ли, появилось ко мне слишком много вопросов.

Марш молчал, позволяя ему выговориться.

— Не думает ли он, что проблема во мне? Я передаю совершенно здоровый образец — как психически, так и физически. Мы вкладываем в него всё. Учим беспрекословному послушанию и всем навыкам, что положены человеку в его возрасте. Даже грамоте — и той обучаем мы. На нас лежит колоссальная работа. Но стоит привезти его сюда, как он тут же ломается.

— Вы сейчас пытаетесь переложить ответственность на меня? — холодно уточнил Марш. Ему совершенно не понравилось, куда ведёт этот разговор.

— Нет, что вы, — Венн поспешно отступил. — Я лишь пытаюсь найти между нами взаимопонимание.

— Я прекрасно вас понимаю. Но поймите и вы: Центр требует данных. А снимать их, поверьте, — работа не из лёгких и не из самых приятных.

В глазах Венна мелькнуло заискивание, совершенно не вязавшееся с его острым, хищным лицом.

— Да, да. Я всё понимаю. Но... доктор Марш, не могли бы вы немного сбавить темпы? Перед очередным... снятием данных. — Голос Венна звучал почти умоляюще. — Замерять пока только общие показатели. Никаких болевых протоколов. Дайте ему хотя бы год. Или лучше два. Организму нужно окрепнуть. Мы же растим их не для того, чтобы списать в утиль, мы растим их надолго. Чтобы однажды выпустить в мир. Полиция, спасатели, армия. Впереди годы наблюдений! Поймите, ведь вся жизнь прототипов, доктор Марш, — это лишь одна долгая череда тестов. Вплоть до самого последнего замера.

— Я сделаю всё, что в моих силах, но...

— Поверьте мне, доктор Марш. — Венн резко перебил его, отбросив остатки вежливости. — Это в ваших же интересах. Просто послушайте: если этот сломается слишком быстро, заменить его будет нечем. Следующему образцу всего семь лет. За ним растёт тот, кому нет ещё и трёх. Больше у меня никого нет. Пока они войдут в нужный возраст, пройдут годы. А что такое годы простоя, вы знаете не хуже меня. Центр ждать не станет. Программу либо свернут, либо оставят — но уже без меня. И без вас.

На последних словах Венн отвёл взгляд. Несмотря на удушливую жару, по спине Марша скользнул холодок.

Сам Венн лично сопровождал каждую доставку. Для самого Марша эта была пятой. Четверых он уже списал. У Лоуренса Вейла до смещения их набралось шесть.

Раньше стоило одному прототипу сломаться, и Венн без задержек поставлял следующего. Промаш бил лишь по личной статистике, не останавливая процесс. Теперь же конвейер встал и этот разрыв, о котором только что предупредил Венн, менял всё. Ставил перед Маршем новую задачу: сохранить этот прототип любой ценой.

— Я приму ваши слова к сведению, — не выдав ни единой эмоции, произнёс Марш.

— Искренне на это надеюсь.

Коротко кивнув Маршу, Венн развернулся и направился обратно к машине. Он заглянул в тёмный проём открытой двери и что-то вполголоса скомандовал тем, кто сидел внутри.

Из полумрака фургона аккуратно вышел опытный образец. Прототип. Темноволосый мальчик лет десяти. Следом за ним тяжело спрыгнул человек в серой форме — точно такой же, как и у службы безопасности этого лабораторного объекта. Структура, которая вежливо слушала и кивала Маршу, но приказы принимала только от Центра.

Венн указал на Марша рукой:

— Икс-ноль-один-один. Следуй за доктором Маршем.

Прототип шагнул вперёд и, ни разу не оглянувшись, направился в сторону Марша. Замедлив в нескольких шагах, он поднял на него отрешённый взгляд, без всякого интереса к происходящему.

Лоуренс Вейл по-прежнему продолжал стоять поодаль, мрачно наблюдая за происходящим.

Марш развернулся и зашагал к двери, ведущей в коридор верхнего уровня. Следовало отвести прототип в сектор R. Там его уже ждала Лидия Карвер. И комната, в которой одиннадцатому предстояло провести долгие годы. Если, конечно, ему повезёт.

Мальчик бесшумно двинулся следом за ним.

Глава 3

— Ну миленькая... Ну откройся, ну пожалуйста... — Эвелин топталась в пустом коридоре жилого блока, уговаривая упрямую дверь. — Обещаю, что я даже хлопать тобой не буду. Честно-честно не буду.

Затем, будто проверяя, подействовали ли её слова, она дёрнула за ручку, но дверь не поддавалась.

Мгновенно забыв про все свои клятвы, Эвелин сердито шлёпнула по ней ладошкой.

— Ну и ладно. Тогда я буду жить здесь. Прямо в коридоре.

Скрестив руки на груди, она опустилась на пол и прислонилась к двери спиной, всем своим видом показывая крайнюю степень возмущения.

У Эвелин была своя личная карта допуска, но открывала она только одну дверь. Дверь в её собственную комнату. Эвелин это уже давно проверила: методично прикладывала пластик к каждой панели, до какой только могла дотянуться, но везде упрямо загорался красный огонёк отказа.

Именно эту карту она где-то и потеряла. Причём уже второй раз за месяц.

Папа честно её предупреждал: потеряешь ещё раз — и будешь жить в коридоре. Что ж. Значит, так тому и быть.

От нечего делать Эвелин принялась глазами изучать коридор. Ряд одинаковых ламп в потолке. Две из них тихо жужжали, и она прекрасно знала, какие именно. На полу — гладкая серая плитка, по которой так здорово было кататься в носках, за что она не раз получала нагоняй. И ряд дверей.

Комната папы. Потом — дяди Лоуренса, которого раньше она звала мистером Вейлом, но однажды он грустно ей улыбнулся и попросил звать его просто Лоуренсом, сказав, что звания «мистер» он не заслужил. И чего там заслуживать? Эвелин так и не поняла. Зато когда папа услышал это её «Лоуренс», он тут же прочитал ей долгую нотацию о правилах общения со взрослыми. Так Вейл и превратился в «дядю Лоуренса».

Следом шла дверь комнаты мисс Карвер. Будь воля Эвелин, она звала бы её не иначе как «злая ведьма Карвер». Эвелин была искренне уверена, что та её терпеть не может. И уже за дверью Карвер, в самом тупике коридора, находилась комната и самой Эвелин.

И вот возле двери своей комнаты Эвелин и сидела, сосредоточенно загибая пальцы и что-то подсчитывая в уме. Она ведь весь день носилась по этим коридорам и пришла, чтобы наконец спокойно сесть за домашнее задание. А тут такое. Но жить в коридоре, пусть даже назло этой упрямой двери, было решительно невозможно.

Придётся всё-таки идти и сознаваться. Скажет папе всё как есть: потеряла. Влетит, конечно, но это всяко лучше, чем сидеть тут.

Тяжело вздохнув, она отряхнула одежду и поднялась с пола.

И затем припустила к папиному кабинету во всю прыть.

Конечно, бегать было нельзя. Тем более здесь, где у папы и остальных были кабинеты. Но Эвелин про это как-то забыла и неслась по коридору со всех ног.

Она уже почти добежала, как ей пришлось резко затормозить. Подошвы громко и неприятно заскрипели по гладкой плитке. Ещё шаг, и она бы на полном ходу влетела в мисс Карвер.

Уж повезло так повезло.

— Я же просила тебя не бегать по рабочему коридору. — Карвер смерила её взглядом тёмных глаз.

— Ой! Извините, мисс Карвер, — выпалила Эвелин, пытаясь отдышаться. — Я просто торопилась.

— Доктор Марш сейчас занят.

— Я только на секундочку! Меня папа ждёт! — Эвелин попыталась прошмыгнуть мимо.

— Эвелин. Говорю же тебе. Доктор Марш занят, — произнесла она так, что стало ясно: дальше дороги нет.

— Я просто спрошу! — упрямо заявила Эвелин, и её голос зазвучал громче. — Он меня ждёт. Правда!

— Эвелин, не выдум... — раздражённо начала Карвер, но не договорила. Рабочий планшет вдруг выскользнул из её пальцев. Она дёрнулась, пытаясь его поймать, но только смешно взмахнула руками и зашвырнула планшет ещё дальше.

Эвелин не выдержала и прыснула со смеху. Так ей и надо! Нечего было к ней приди- раться.

Карвер наконец подняла свой планшет и уже набрала в грудь воздуха, чтобы как следует её отчитать, но тут из-за двери раздался папин голос.

— Карвер.

Та мгновенно вытянулась и нервно пригладила волосы, словно забыв про Эвелин.

— Да, доктор Марш?

— Пусть она войдёт.

Эвелин победно дёрнула ручку и скользнула в кабинет. Закрывая за собой дверь, ей ужасно хотелось обернуться и высунуть язык. Но пришлось сдержаться.

Пройдя через комнату, Эвелин замерла у стола, за которым сидел отец.

— Ты хотела меня видеть?

— Да, но мисс Карвер сказала мне, что ты занят.

— Уже нет.

Эвелин слегка замялась под его взглядом.

— Тогда я быстро...

Он ничего не ответил, продолжая молча смотреть на неё.

Эвелин виновато потупилась и, глядя в пол, пробормотала:

— Дверь... Карта... Она потерялась. Сама.

Отец внимательно смотрел на неё, явно о чём-то задумавшись.

«Ну всё, сейчас точно прилетит», — обречённо пронеслось в голове у Эвелин. Она даже зажмурилась.

Но отец вдруг тепло улыбнулся и, выдвинув ящик стола, что-то ей протянул. Это была её карточка.

На гладком пластике синим фломастером было старательно написано: «Эвелин Марш», а сбоку красовался кривоватый цветочек. У всех взрослых на карточках были напечатаны имена и куча каких-то цифр, а у неё просто обыкновенный белый пластик. Вот Эвелин и взяла дело в свои руки.

— Карвер отдала мне её несколько часов назад. Пропуск нашли в комнате персонала, — сказал отец, слегка приподняв бровь. — Что ты вообще там забыла, Эвелин?

Она виновато прикусила губу. Ну не признаваться же папе, что недавно она прочитала толстую книжку про загадочные пирамиды и мумий и решила стать исследователем.

Дело в том, что в комнате персонала была одна крайне загадочная дверь. Массивная, стальная. Эвелин уже успела как следует её осмотреть: гладкая и холодная, без единой ручки, только тёмная прямоугольная панель сбоку. Ну чем не тайный вход в сокровищницу?

Вот Эвелин и планировала проникнуть внутрь и расхитить все сокровища. План был идеальным, но вот только карту она, увлечшись процессом, умудрилась проворонить, а как именно, расхитительница и сама не понимала.

Так и не дождавшись её оправданий, отец вдруг спросил то, чего она ожидала меньше всего на свете:

— Эвелин. Хочешь побывать в секторе R?

В ответ она настороженно покачала головой, явно чуя какой-то подвох.

— Нет.

— Не хочешь? — спокойно уточнил он.

Эвелин замялась. Поковыряла пальцем нижнюю губу и сдалась:

— А можно? — с замиранием сердца спросила она.

— Сегодня можно.

Эвелин не сразу поверила, что отец говорит это всерьёз, замерла у стола, всё ещё ожидая, что он вот-вот передумает. Скажет свою обычную фразу о том, что сектор R — не место для детей.

Но отец уже вставал со своего кресла.

— Идём, — бросил он.

Эвелин поспешно закивала, боясь произнести хоть звук, чтобы случайно всё не испортить.

Отец открыл дверь кабинета и шагнул в коридор. Эвелин радостно бросилась следом, но он вдруг остановился, так что она едва не уткнулась ему в спину. И, устало вздохнув, произнёс:

— Карту свою заberi со стола.

Эвелин подбежала к столу, сгребла свою карточку и пулей вылетела за отцом. Дальше она шагала с совершенно торжествующей улыбкой. Но стоило им остановиться возле кабинета Карвер, как вся её радость мигом улетучилась.

— Лидия пойдёт с нами, — бросил отец и, коротко постучав, открыл дверь.

Карвер, сидевшая в своём кабинете, тут же подняла взгляд от планшета и, встав со стула, выпрямилась.

— Мы в сектор R. Вы идёте с нами.

— Поняла, — ответила Карвер, скользнув по Эвелин холодным взглядом, и шагнула к ним в коридор.

«Только смотри не лопни от злости», — подумала Эвелин.

Отец пошёл первым, а они молча двинулись за ним следом.

Если другие коридоры Эвелин давно облазила от и до, зная там каждую трещинку, то коридор, куда они сейчас свернули, был для неё сплошной загадкой. Ну, или почти сплошной.

Она уже пару раз пыталась провести здесь разведку, но её всё время ловили и отправляли обратно. Лишь однажды ей крупно повезло проскользнуть до самого конца коридора. Когда она заглянула за поворот, то обомлела: там стояла точно такая же большая железная дверь, как и в комнате персонала. Эвелин только-только успела прочитать табличку «Сектор R», как сзади выросла Карвер. Потом был позорный конвой в папин кабинет и строгий домашний арест на целую неделю. Но именно из-за той вылазки Эвелин так отчаянно и захотела обследовать дверь в комнате персонала.

Пока она об этом вспоминала, впереди показался тот самый поворот, а за ним и та самая дверь без единой ручки. Только чёрная панель сбоку да строгая надпись:

СЕКТОР R

Отец приложил карту к панели, и огонёк на ней переключился с красного на зелёный.

«Вот бы и мне такую», — с лёгкой завистью подумала она, посмотрев на разрисованный белый пластик в своих руках.

Дверь открылась не сразу. Эвелин смотрела на неё во все глаза.

Сначала громко щёлкнул один замок.

Следом второй.

И затем тяжёлая створка начала плавно отъезжать в сторону.

Не так давно Эвелин свято верила, что за этой дверью прячется книжный монстр. В одну из своих прошлых попыток пробраться сюда она даже прихватила с собой маленький канцелярский ножик, чтобы этот монстр не возомнил, будто она его боится.

И вот сейчас наконец она всё узнает. Внутри всё сжалось.

Но за дверью ничего страшного не было. Никаких тайн. Обычный серый коридор, в котором горели точно такие же лампы, как и везде.

Отец шагнул за дверь первым, Эвелин скользнула следом.

И сразу заметила разницу. Шаги здесь звучали иначе, потому что пол был металлическим. Даже стены ей показались немного темнее. А может, здесь просто горело меньше ламп.

Сам коридор оказался коротким. Они миновали поворот направо — скосив глаза, Эвелин успела разглядеть там тупик и три двери. Затем поворот налево, чуть длиннее, — и там тоже виднелись двери. Сворачивать отец не стал ни туда, ни туда. Но Эвелин успела заметить главное: ни на одной из дверей здесь не было ручек.

«Это для того, чтобы оттуда нельзя было выбраться», — догадалась Эвелин. Стало жутковато, и она поспешила прижаться поближе к отцу и Карвер.

Наконец коридор упёрся в тупик с двумя дверями — слева и справа. Отец приложил карту к левой панели, и створка отъехала в сторону почти без звука.

Карвер без колебаний вошла первой, и Эвелин мысленно даже восхитилась её отвагой, потому что самой было немного страшновато. Отец слегка придержал её за плечо на пороге.

— Сначала просто осмотришься, — сказал он, погладив её по голове. — А все вопросы задашь потом.

Эвелин молча кивнула. Показалось ей или нет, но отец будто и сам на секунду засомневался, стоит ли им вообще туда заходить.

Монстры. Определённо, там скрывались они. Она так и знала! А ведь всё детство взрослые убеждали её, что никаких монстров не существует. Что свои вещи она теряет сама, а вовсе не они их крадут. Ну и получается, нагло врал, что под её кроватью никто не живёт. Сначала говорили, что она уже большая — ей целых семь. Потом восемь. А теперь совсем взрослая, уже девять. Вот так она и сдалась, поверила им. А теперь — на тебе...

Отец попытался было пропустить её вперёд, легонько подтолкнув в спину. Но Эвелин не сдвинулась с места, лишь с тревогой подняла на него глаза. Тогда он ободряюще улыбнулся, крепко взял её за руку, и они перешагнули порог вместе.

Комната за дверью оказалась до обидного обычной. Узкая, вытянутая в длину и совершенно не страшная. Эвелин тут же накрыло очередное разочарование. Напротив двери стоял только металлический стол с выключенными мониторами. Карвер положила на него свой планшет, села и тут же застучала пальцами по клавиатуре.

В этот момент чуть правее от стола медленно поползла вверх какая-то плотная шторка. И за ней оказалось... там было...

— Это что? Окошко? — Эвелин снова посмотрела на отца.

— Можно и так сказать. Но правильнее — стекло. Наблюдательное стекло, — ответил отец и, чуть заметно улыбнувшись, подошёл к нему ближе.

И тут в её голове всё сошлось. Эвелин наконец-то поняла.

Она ведь помнила эту страшную книжку. Про девочку, к которой однажды ночью пришёл он. Монстр. Тот, кто по ночам скребётся когтями в тёмные окна.

А это стекло — вот же оно. То самое окошко!

Отец поманил её рукой, но Эвелин отчаянно замотала головой.

— Не бойся, — мягко и успокаивающе произнёс он. — Там всего лишь мальчик.

«Мальчик? Так я и поверила», — упрямо пронеслось в голове у Эвелин.

— А почему он тогда там?.. — с подозрением посмотрела она на стекло.

— Потому что он очень важен для моей работы, — совершенно серьёзно ответил отец. — Ну же, подойди.

— Может, лучше пойдём ужинать? — шагнув к отцу, предприняла она последнюю попытку улизнуть.

— Эвелин, — выдохнул он.

Пришлось подчиниться. Она нехотя подошла к стеклу, но благоразумно встала чуть позади отца.

Само стекло оказалось врезано прямо в стену, как лампы в коридорах, и выглядело подозрительно толстым. Начиналось оно где-то на уровне её груди, а заканчивалось почти под самым потолком.

А за ним тоже была комната.

Эвелин робко заглянула внутрь. Сначала она заметила дверь у дальней стены и светящуюся табличку с бессмысленными буквами и цифрами. Чуть правее была какая-то перегородка, а ещё ближе стояли самые обычные стул, стол и кровать.

Она ожидала увидеть там всё что угодно, но отец не соврал: на кровати и правда сидел обычный мальчик. Примерно её возраста. Ну, может, постарше. На нём была надета серая... пижама? Сам мальчик оказался темноволосым и очень-очень бледным. А сам он смотрел прямо на неё своими зелёными глазами, не моргая.

И особого доверия этот пристальный взгляд ей не внушал, поэтому Эвелин так и осталась стоять позади отца.

— Там мальчик? — негромко спросила она.

— Да. Я же тебе говорил.

Эвелин непонимающе посмотрела на него.

— Он здесь живёт?

— Он здесь... находится.

Она снова перевела взгляд на кровать, на стол, а потом — на дверь без ручки.

— А он монстр? — спросила Эвелин уже совсем тихо.

— Нет. Эвелин, хватит. Их не существует. Ты уже взрослая. — Лицо отца на секунду стало строгим.

Но, как ни странно, это её успокоило. Папа был рядом, а значит — всё под контролем. В ней тут же проснулось любопытство.

— А он нас слышит? — уже громче и смелее спросила она.

— Нет. Связь выключена.

Тем временем мальчик сидел на кровати и почти не шевелился. При этом смотрел он почему-то только на Эвелин.

— А он умеет говорить? — спросила она.

Отец посмотрел на мальчика за стеклом.

— Умеет.

— Тогда почему он молчит? Или мы его просто не слышим?

Вместо ответа отец повернулся к Карвер:

— Включите связь.

Карвер что-то нажала, и над ними щёлкнул динамик.

— Икс-ноль-один-один. Подойти ближе, — строго скомандовал отец, будто был чем-то недоволен.

Мальчик поднялся с кровати, и Эвелин смотрела, как он молча подошёл и замер в паре шагов от стекла.

Любопытство окончательно взяло над ней верх, и Эвелин, решительно выбравшись из-за папиной спины, подошла вплотную к стеклу.

Теперь она видела его совсем близко. А он всё молчал и не сводил с неё глаз.

— Привет, — сказала она.

В тишине комнаты это прозвучало куда громче, чем ей бы хотелось.

Мальчик почему-то промолчал. Эвелин быстро обернулась на отца и заметила, как он обменялся странным взглядом с Карвер. Она снова повернулась к стеклу. Но загадочный житель этой комнаты не двигался.

Эвелин не сдалась и повторила:

— Привет!

Вышло опять чересчур громко. Но мальчик всё так же стоял и, растерянно хлопая глазами, разглядывал её в ответ.

— Ау?! — Она сложила ладошки лодочкой у губ, пытаясь до него докричаться. Совершенно без толку.

Как там говорил ей мистер Лем, когда она забывала выучить что-то и молчала? Воды в рот набрала... Вот и этот мальчик, получается, тоже набрал.

— Ну вот, Эвелин, теперь ты увидела сектор R.

Она деловито кивнула. Эта игра в молчанку ей быстро наскучила, и голос отца прозвучал как долгожданное спасение.

Эвелин тут же развернулась к двери, готовая умчаться дальше по коридорам в поисках чего-то поинтереснее.

— Эй. Не так быстро, — остановил её отец.

Карвер коротко стукнула по клавишам, и шторка на стекле начала медленно закрываться.

— Сейчас мы пойдём ужинать. А потом ты покажешь, как подготовилась к завтрашним урокам. Мистер Лем на тебя жаловался.

Вот это Эвелин не понравилось совершенно. Показать она могла разве что абсолютно пустые страницы в тетради.

«Ох и ябеда этот Лем», — с досадой подумала Эвелин.

Шторка с тихим стуком закрылась, и все трое снова вышли в коридор.

Теперь ей предстояло выкручиваться с домашним заданием. Но ничего страшного. Что-нибудь она обязательно придумает.

А по ту сторону закрытой шторки мальчик всё так же стоял посреди комнаты и не сводил взгляда с того самого стекла, за которым только что исчезла Эвелин.

Он медленно и почти беззвучно произнёс:

— Привет.

Глава 4

— ...Я так понимаю, доктор Вейл не будет присутствовать? — раздался справа голос Карвер.

— Правильно понимаете, — сухо ответил Марш, едва скользнув по ней взглядом. — Это всего лишь проверка моей теории. Рендалс даст минимальный уровень нагрузки, а мы наблюдаем за первичной реакцией прототипа.

Они находились в процедурной комнате. Обычное тесное помещение, в центре которого располагалось кресло. Наблюдательного стекла здесь не предусматривалось, поэтому Маршу и приходилось стоять внутри комнаты, чуть поодаль от Рендалса, сосредоточенно возившегося с фиксаторами.

С того дня, как Марш привёл Эвелин к прототипу в надежде стабилизировать его состояние, прошёл почти месяц, и он рассчитывал, что теперь фокус его внимания сместился.

Марш пересматривал запись их встречи десятки раз. Зрительная фиксация на Эвелин прослеживалась безошибочно: ни на кого другого во время того контакта прототип не смотрел. И вот сегодня Марш намеревался это доказать. Именно поэтому они и находились здесь — в обход графика, по которому следующий протокол намечался только через квартал.

— Рендалс, долго вы ещё там возиться будете? — недовольно бросил Марш.

— Ещё пару минут. — У техника на лбу проступила испарина.

Уже десять минут он возился с креслом, всё пытаясь закрепить ремни так, чтобы фиксатор не упирался прототипу в руку. Это было личное указание Марша, и Рендалс, как главный по технической части, из кожи вон лез, чтобы его выполнить, вот только конструкция самого кресла для этого явно не годилась. Приходилось искать невозможный баланс, чтобы подлокотник надёжно удерживал тонкую руку, но при этом ни в коем случае не давил на локоть.

— Вроде бы готово, — отозвался наконец Рендалс. Он осторожно покачал механизм за край, показывая, что детская рука зафиксирована максимально жёстко и крепление при этом не пережимает локоть.

Затем техник тут же переметнулся к правому подлокотнику. Марш, чьё терпение было на исходе, лишь раздражённо выдохнул сквозь зубы.

Сам прототип, казалось, вообще не замечал происходящего вокруг него. Он неподвижно сидел в кресле и безучастно смотрел прямо перед собой.

— Я правильно поняла, доктор Марш: мы этот тест в отчётах не отображаем и, соответственно, субъективную оценку боли не запрашиваем? — уточнила Карвер.

Приставку «доктор» здесь носили только двое: Марш и Вейл. И если раньше Маршу приходилось полагаться исключительно на него, ведь опыта старому коллеге было не занимать, то со временем эксцентричные чудачества свели почти всю пользу Вейла на нет.

Спустя год после своего назначения Марш направил руководству запрос, указав, что для достижения поставленных целей ему требуется ещё один профильный специалист.

Запрос оперативно одобрили. Именно так здесь и оказалась Лидия Карвер.

Марш до сих пор помнил своё раздражение, когда у фургона на верхней площадке Е-1 увидел хрупкую темноволосую девушку, шутившуюся от света и растерянно озирающуюся по сторонам.

Удружили, прислали специалиста на его голову. На целых десять лет младше самого Марша. Да как она вообще смогла получить допуск на такой объект в своём возрасте?

Однако его скепсис выветрился очень быстро. В деле Карвер проявила себя безупречно. Со временем она стала для него попросту незаменимой, настоящей находкой. Теперь Марш даже в теории не представлял, как объект мог бы без неё вообще функционировать.

— Всё правильно понимаете, — кивнул Марш, возвращаясь к Карвер, всё ещё ожидавшей от него ответа.

Рендалс в очередной раз тяжело выдохнул и наконец отступил от кресла. Смахнув со лба пот, он подошёл к приборной стойке, за которой по полу змеились толстые чёрные кабели, и положил пальцы на пульт.

— Начинайте, — коротко скомандовал Марш.

В тишине резко щёлкнул тумблер и воздух в комнате мгновенно завибрировал от низкого, нарастающего жужжания.

Прототип рефлекторно сжал кулаки так, что пальцы побелели. Марш сразу подался вперёд, превратившись в сплошное зрение.

И тут это снова повторилось.

Взгляд зелёных глаз прототипа вновь намертво прикипел к левой руке. Игнорируя боль, преодолевая сопротивление впившихся в запястье ремней, он чуть приподнял дрожащую руку и с нечеловеческим усилием попытался разжать кулак, чтобы развернуть ладонь к себе.

— Достаточно, Рендалс! — резко прозвучал голос Марша.

Снова щёлкнул тумблер, и вибрация в комнате медленно сошла на нет. Прототип так и остался сидеть в кресле, не сводя глаз со своей раскрытой ладони, пока Рендалс суетливо отстёгивал ремни.

Марш задумчиво прищурился.

Некоторые прототипы, которые в итоге ломали сами себя, проявляли именно такую зрительную фиксацию. Только на посторонних предметах, не на себе. Марш ясно видел этот разрушительный паттерн, и его бесило, что ситуация медленно, но верно выходит из-под контроля, а причина ускользает от него.

«Прибить бы ему эту ладонь к подлокотнику в следующий раз», — мрачно подумал он. Но тут же одёрнул себя: технически это осуществимо, но психологическую проблему прототипа такой метод явно не решит.

Марш молча кивнул Карвер в сторону двери, и они вышли в коридор.

— Карвер, усильте наблюдение за прототипом. А вашему сотруднику передайте, чтобы поменьше играл в шахматы сам с собой и больше смотрел на мониторы. — Сдерживаемое раздражение Марша всё же прорвалось наружу. — Иначе он получит от меня такую характеристику, с которой отправится испытывать таблетки от живота на лабораторных крысах. Вот там и будет раскладывать свои фигуры.

— Поняла, доктор Марш. Проведу с ним беседу, — ответила Карвер. Она невольно потянулась рукой поправить волосы, но вовремя опомнилась и одёрнула себя.

Марш кивнул ей и зашагал по коридору. Однако через пару шагов остановился, будто что-то вспомнив.

— И ещё. Карвер, дайте прототипу разрешение. С Эвелин... с девочкой, когда она будет к нему приходить, прототип может разговаривать и отвечать на её вопросы без дополнительных команд.

На долю секунды в глазах Карвер отразилось абсолютное непонимание. Но ответила она без заминки:

— Поняла.

Марш молча отвернулся и зашагал к выходу из сектора. Оказавшись в общем коридоре, он поравнялся с комнатой отдыха персонала, но вдруг услышал голоса и притормозил у двери.

— А вот и враки всё это! Я заходила в такую, дядя Лоуренс. Ничегошеньки там нет. Никаких страшных динозавров.

— Ну... допустим, один старый динозавр сидит прямо в этой комнате.

Раздался негромкий хриплый смех. Марш нажал на дверную ручку и шагнул внутрь. Обстановка здесь была самой обыкновенной: у дальней стены ютились небольшой диванчик, два кресла и журнальный столик, а чуть правее тихо гудел кулер с водой.

В ближайшем кресле сидел Вейл. Прищурившись на свет, он старательно пытался вдеть нитку в игольное ушко. Когда Марш вошёл, Вейл лишь мазнул по нему равнодушным взглядом — виделись они всего пару часов назад.

Тем временем у правой стены Эвелин увлечённо исследовала широкую гладкую дверь, сливающуюся со стеной. То притрагиваясь к её прохладной поверхности, то деловито постукивая по ней. По технической схеме это была комната безопасности, предназначенная для кратковременного укрытия персонала при ЧС. Монолитная створка, аварийный терминал и линия экстренной связи с Центром.

На деле же ещё при Лоуренсе её превратили в склад для всякого ненужного хлама, мешавшегося под ногами. Марш уже и не помнил, когда в последний раз открывал эту дверь. Наверное, только в первые дни после назначения. Каково же было его изумление, когда он застал царивший внутри беспорядок. Сперва он пытался с этим бороться, но потом быстро сдался: старое оборудование нужно было куда-то девать, а по своему прямому назначению комната не представляла никакой ценности.

Видимо, комплекс изначально проектировали под совершенно другие задачи — там это укрытие, возможно, и имело бы смысл.

— Эвелин, — позвал Марш.

Она, очевидно решив, что сейчас её будут ругать, поспешно отскочила от металлической двери, метнулась к кулеру и схватила пластиковый стаканчик, старательно делая вид, что зашла сюда исключительно ради воды.

— Да, папа?

— Пойдём со мной.

— Я ничего не трогала, она сама разбилась! — выпалила Эвелин.

Проигнорировав это оправдание, он повернулся к Вейлу:

— Доктор Вейл, мы с Эвелин поднимемся на площадку, подышим воздухом. Через час я буду у себя.

— Хорошо-хорошо. Очень хорошо, — рассеянно отозвался Вейл, всё так же шурясь на игольное ушко на фоне лампы.

От кулера немедленно донеслось радостное:

— Ура-а-а!

— Но сначала зайдём ко мне, — припечатал Марш, рубя это ликование на корню.

Коротко попрощавшись с Вейлом, Марш вышел в коридор. Сзади доносился ритмичный топот детских ног — судя по звукам, Эвелин то и дело радостно подпрыгивала на ходу.

Миновав рабочий коридор, Марш притормозил у своего кабинета, приложил карту к считывателю и толкнул дверь.

— Присаживайся, — велел он, кивком указывая на стул для посетителей.

Девочка с готовностью и шумом плюхнулась на сиденье. Марш остался стоять, возвышаясь над ней.

— Эвелин. Ты уже достаточно взрослая, поэтому я скажу прямо. — Он выдержал короткую паузу. — Мне нужна твоя помощь.

— Помощь? — Её глаза моментально округлились от удивления и восторга.

— Да. Помнишь того... того мальчика?

— Который за стеклом?

— Да, за стеклом. Так вот. Мне нужно, чтобы ты иногда приходила к нему. Со мной или с Карвер. Туда, в сектор R.

— Зачем? — Эвелин непонимающе подняла на него глаза. — Он ведь даже не умеет разговаривать. Только молчит.

— Просто расскажешь ему что-нибудь. Покажешь свою новую книжку.

— Ну-у... хорошо, — задумчиво согласилась она, но тут же нашла выгоду: — А можно мне тогда... можно мы, как тогда, снова пойдём наверх ночью смотреть на звёзды? И дядю Лоуренса с собой возьмём. Можно?

Марш замолчал, обдумывая услышанное.

— Или хотя бы чуточку дольше там побыть, — по-своему растолковала она эту паузу.

Марш молча подошёл к шкафу, открыл стеклянную дверцу и достал коллекционную металлическую модель автомобиля. Вернувшись, он поставил её на стол прямо перед дочерью.

— Знаешь, как делают такие машины?

Эвелин с любопытством уставилась на блестящий кузов.

— Нет.

— Прежде чем такую начнут продавать, собирают самую первую. Точно такую же. И вот её начинают проверять. Разгоняют и бьют о стену. Снова и снова. Смотрят, что и где сломается быстрее всего, чтобы выявить слабые места, — размеренно проговорил Марш. — Пока её как следует не разобьёшь, этого не видно. Но когда поймёшь, где она выдержала удар, а где нет, следующую делают уже по-другому. Лучше. Крепче. — Он задумчиво повернул машинку. — И вот эта, следующая, уже едет по дороге. В ней сидят люди. Целая семья, дети. И с ними ничего не случится — потому что когда-то была та, первая, на которой всё проверили.

Эвелин осторожно тронула пальцем крышу машинки и перевела взгляд на отца, совершенно не понимая, к чему этот рассказ.

— К чему я это веду, Эвелин. Ты уже взрослая девочка и должна знать, что моя работа отчасти похожа на то, что я описал. И тот мальчик для этой работы очень важен.

В глазах Эвелин читалось полное непонимание.

— За ним постоянно следят. Заботятся о нём. Но они не знают столько сказок, сколько знаешь ты, и не могут ему рассказать... ну, например, о том... — Марш нахмурился, мучительно пытаюсь вспомнить хоть один сюжет из её книг, но, так ничего и не выудив из памяти, сдался: — Впрочем, неважно. Пойдём гулять?

При этих словах растерянность на лице Эвелин мгновенно сменилась чистым восторгом.

— Да! Только мне нужно забежать за... леди Бардак!

— За кем?

— Леди Бардак! Она живёт в замке из одеял и тоже пойдёт со мной наверх! — заявила Эвелин, спрыгивая со стула, и вприпрыжку метнулась к двери.

В девять лет он сам уже интересовался тем, как устроен мир, запоем читал книги по физике и химии. А она ведёт себя как годовалый ребёнок!

Глухое раздражение на мгновение едва не захлестнуло Марша. Из-за бессонницы в последние дни нервы были ни к чёрту. Он закрыл лицо руками и крепко сжал веки, пытаюсь унять резь в глазах. Но стоило опуститься темноте, как в голове вновь зазвучал её голос:

«Надеюсь, она не будет такой, как мы. Она станет художницей и будет рисовать картины... или писать музыку. Знаешь, такую, какая звучит на летних улицах. Скрипка где-то за углом, и ты идёшь на этот звук по тёплым камням, которые ещё держат жар целого дня. Выходишь на площадь — а там закат заливает всё медью: крыши, черепицу, реку внизу. Голуби разом взмывают в небо, и кажется, будто весь город звенит вместе с этой скрипкой. А люди сидят прямо на ступенях, едят мороженое, смеются. И никто никуда не спешит, Адри...»

Марш резко открыл глаза и судорожно выдохнул.

Это только его вина, и бессмысленно перекладывать её на других. Он ведь сам притащил её сюда. Запер под землёй. Она целыми днями слоняется без дела, совершенно лишённая нор-

мального общения. Дистанционные уроки через терминал с преподавателем, который в курсе, что работает по секретной программе. Вот и всё. Вот и весь её крошечный мир.

И этот проклятый старик Вейл. Именно он — главный спонсор её детских глупостей. Таскает девочке идиотские сказки, а потом поддерживает разговоры, усердно поддакивая. Подпытывает в ней эти фантазии.

Сам же Марш с утра до вечера погребён в работе, и редкие сухие беседы за ужином — всё, что он может ей дать. А остальным до неё вообще нет дела. Ну ничего.

Как только она повзрослеет, он немедленно отправит её...

— Папа, ну идём уже! — Эвелин нетерпеливо хлопала глазами, не понимая, отчего он застыл как вкопанный посреди кабинета.

— Иду, милая, — мягко улыбнулся он и, шагнув к дочери, потрепал её по волосам.

Выходя в коридор, Марш обернулся. Его взгляд снова упал на металлическую модель автомобиля на столе.

И зачем он только ввязался в эти сложные объяснения? Пусть она пока просто навещает его.

Глава 5

— Эвелин, на чём ты остановилась?

На столе перед Эвелин светился учебный терминал: широкий плоский экран на серебристой подставке с маленькой камерой над верхней рамкой, неотрывно следившей за ней весь урок. Голос мистера Лема доносился из чёрной полосы под дисплеем. Всё остальное — учебник, фотографии и даже сам учитель — существовало лишь там, за стеклом монитора.

Эвелин с трудом вынырнула из своих мыслей и медленно подняла глаза.

— Простите?

— Что последнее ты успела записать? — терпеливо уточнил он.

Она виновато опустила взгляд в тетрадь и суетливо перелистнула страницу назад, потом снова вперёд.

— Я нашла!

— Хорошо, — сказал мистер Лем. — Тогда прочитай свою последнюю запись.

С экрана на неё всё так же внимательно смотрел учитель. Высокий лоб с отступившей линией русых волос, глубоко посаженные светлые глаза, тонкие, плотно сжатые губы.

Мистер Лем терпеливо ждал от неё ответа. Его простоватое, мягкое лицо совсем не вязалось с этим строгим, испытующим взглядом.

— Солнце — это ближайшая к нам звезда, — наконец ответила Эвелин.

— Ну что же. Продолжим.

И голос из динамиков снова принялся ей что-то объяснять.

Эвелин прилежно уткнулась в тетрадь и изо всех сил старалась слушать, но её мысли всё так же витали далеко от урока. Дядя Лоуренс совсем недавно подарил ей новую книгу — огромную, с цветными глянцевыми страницами. Про динозавров! Эвелин зачитывалась историями сначала о самых громадных ящерах, потом о самых зубастых и жутких, пока не добралась до крошечных. «Вот бы и мне такого», — мечтала она, снова вспоминая нарисованного малыша. Он только-только вылупился из скорлупы, но уже с очень важным видом топтался на каком-то булыжнике.

— Эвелин?

Она растерянно вскинула глаза на экран.

— Да?

— Ты записываешь?

— Да, мистер Лем. — Эвелин торопливо склонилась над столом, всем своим видом изображая предельную старательность.

— Тогда повтори то, о чём я только что говорил.

Она бросила обречённый взгляд на пустые строчки в тетради.

— Эвелин... — со вздохом произнёс учитель.

— Ну вот. Я опять отвлеклась и всё прослушала.

— Я заметил.

— Простите, мистер Лем.

— Ничего. Вернёмся на абзац выше.

Эвелин послушно кивнула и крепче сжала карандаш, твёрдо решив больше не витать в облаках. Хватит с неё глупостей на сегодня. Утром дурацкий стакан предательски выскользнул у неё из рук, и, пытаясь его удержать, она локтем смахнула тарелку с кашей. Та с грохотом шмякнулась об пол и разлетелась на куски по всей столовой. Мистер Грен хоть и сказал, что ничего страшного не произошло, но ей всё равно было жутко совестно. Правда. Ещё недавно несчастная тарелка спокойно стояла себе и даже не подозревала, какая участь её ждёт. А она взяла и разбила её.

Мистер Лем тем временем уже вывел на экран звёздный атлас: снимок солнечной поверхности — жёлтой, неровной, похожей на застывшее бушующее море, а затем схему созвездий и фотографию ночного неба.

— Свет от некоторых звёзд идёт к Земле миллионы лет, — неторопливо объяснял он. — Поэтому иногда человек видит звезду не такой, какая она сейчас, а такой, какой она была в далёком прошлом.

Учитель продолжал рассказывать ей о Солнце, Луне, звёздах и невообразимых расстояниях между ними, но Эвелин его почти не слышала. Впервые за весь урок она внимательно смотрела на экран. На эту бездонную темноту, усыпанную далёкими искрами. На настоящее ночное небо.

Ей вдруг вспомнился тот день. Когда она была совсем маленькой — целых четыре года назад, а может, и больше... или чуть меньше. Но это было не важно.

Она тогда без конца засыпала папу вопросами, особенно после прочитанной сказки о несчастном слонёнке. И папа наконец всё ей рассказал. Сказал, что её мама теперь на небе. Конечно, он выразился немного иначе, но Эвелин ужасно не понравилось то взрослое слово. Мама не... мама просто живёт там. В другом месте. Она очень скучает, но пока не может к ним спуститься.

И когда тем вечером ей стало совсем тоскливо, она пришла в папин кабинет и спросила прямо при дяде Лоуренсе:

— А я когда-нибудь тоже уйду туда? К маме?

Услышав это, отец и дядя Лоуренс лишь молча переглянулись. А потом... потом они все вместе вышли наверх — туда, где над головой открывалось настоящее небо.

Как же ярко ей всё это запомнилось. Жаркий, но уже остывающий воздух и лёгкий ветер, ласково перебиравший её волосы. И небо. Ночное бескрайнее небо, усыпанное светлыми точками. Одни сияли ярко, другие же едва мерцали.

Папа и дядя Лоуренс отошли чуть в сторону и остановились у тусклого фонаря, и свет выхватывал из темноты только их силуэты. До Эвелин долетали лишь обрывки фраз:

— Лоуренс, а знаешь, может, ты и прав. Рвануть бы вот так отсюда нам втроем, забыв обо всём.

И иногда до неё даже доносился их тихий смех. А Эвелин, на мгновение забыв обо всех печалях, кружилась под открытым небом. Пока не засмотрелась на луну. Большая, бледная, она висела прямо над головой. И Эвелин вдруг показалось, что ей очень-очень одиноко. Будто луна осталась совсем одна на всём этом бескрайнем тёмном небе и теперь печально смотрит вниз.

«Там живёт моя мама», — твёрдо решила она тогда.

Услышав, как Эвелин тихо шмыгнула носом, папа и дядя Лоуренс разом шагнули к ней. Они гладили её по голове, долго успокаивали и о чём-то тихо говорили в два голоса.

Это был один из самых счастливых и одновременно самых грустных дней в её жизни.

Мистер Лем заметил, что Эвелин снова витает в облаках. Но на этот раз промолчал: занятие и так подходило к концу.

— На сегодня это всё, Эвелин. К следующему уроку нарисуй созвездие, которое тебе больше всего понравится.

Учитель попрощался с ней, и экран терминала, мигнув, мягко погас. Эвелин ещё пару секунд смотрела в тёмное стекло дисплея, а затем оглядела свою комнату. Своё настоящее укрытие.

Кровать у стены, рядом — шкафчик, щедро разрисованный синим фломастером. Напротив кровати — столик с терминалом, где в живописном беспорядке валялись карточка допуска, тетрадь, карандаш, канцелярский ножик и тот самый, изрядно обгрызенный синий фломастер.

Одеяло на кровати громоздилось так, словно из него выстроили неприступную башню, а на самой вершине восседала мягкая игрушка — одноухий кролик. Губы ему Эвелин старательно накрасила синим цветом, пририсовав заодно и кривые реснички.

Соскользнув со стула, девочка подбежала к кровати. Там прятались все её главные сокровища. Пошарив рукой внизу, она вытащила на свет стопку разномастных книг: пёстрых, чёрно-белых, с пожелтевшими от времени страницами. Среди них была и та самая книга про динозавров. На самом деле она была лишь чуть больше остальных, просто детское воображение раздувало её до гигантских размеров. Раскрыв обложку, Эвелин бережно достала заложенный между страницами белый квадратик.

Спустя какое-то время после той ночной вылазки она снова пристала к отцу с расспросами о том, какой была мама. В ответ отец лишь устало выдвинул ящик стола, долго в нём рылся, а затем достал сложенную пополам фотокарточку. Развернув её, он молча протянул снимок дочери.

На снимке молодая женщина стояла вполоборота и, счастливо смеясь, дурашливо ловила на ладонь садящееся за её спиной солнце. Эвелин завороченно разглядывала это солнце, как вдруг папа тихо произнёс: это она и есть. Её мама.

Тут же схватив снимок и уже не слушая слова отца — о том, что ему нужно ещё поработать и он очень занят, — Эвелин пулей вылетела в коридор и помчалась к себе. И уже там, взалёб шепча фотографии обо всём на свете, она бережно гладила её пальцами, пытаясь расправить жёсткий залом, перечеркнувший мамино лицо и солнце ровно посередине. И с того самого дня этот квадратик стал главным и абсолютно бесценным сокровищем в её маленьком мире.

Посидев ещё немного с заветным снимком в руках, Эвелин бережно убрала его обратно в книгу и задвинула стопку под кровать. Затем вскочила на ноги, схватила со стола свою разрисованную карточку и выскользнула за дверь. Рассиживаться было некогда. Сперва нужно заскочить в столовую. А там уже видно будет.

Быстро пройдя от своей комнаты по коридору, она свернула налево, в общий. Первая же дверь после поворота вела туда.

— Эвелин, ты где ходишь? Я уж подумал, тебя украли, — тепло улыбнулся ей мужчина из-за длинной металлической стойки, как только она вошла. Это был мистер Грен.

На каждый её день рождения он пёк совершенно невероятный кекс: с виду — ну обычный хлеб, зато на вкус...

Когда-то давно Эвелин прочитала сказку про двух детей, заблудившихся в лесу. Они набрали на пряничный домик, где злая ведьма вкусно кормила гостей, чтобы потом их съесть. С тех пор Эвелин нет-нет да и поглядывала на мистера Грена с лёгким подозрением. Но однажды, увязавшись за дядей Лоуренсом на верхний уровень, она провела расследование. Никакого пряничного домика не оказалось, мистер Грен жил в обычной комнате, где длинными рядами стояли абсолютно одинаковые кровати. Это открытие её успокоило. Хотя, если честно, самую малость и разочаровало.

— Задержалась на уроке! — радостно помахала она ему рукой.

— И как успехи? Держи, это тебе! — Мистер Грен показал ей большое красное яблоко и опустил его на поднос, прямо рядом с морковными макаронами, кусочком варёной курицы и чем-то ещё таким же унылым и невкусным.

— Всё хорошо, мистер Грен! А можно... можно мне сегодня кофе? — с надеждой спросила Эвелин. Эту попытку она совершала стабильно раз в месяц. В столовой всегда витал густой аромат свежего кофе, который невероятно манил её, но сам кофе оставался под строжайшим запретом.

— Эм... нет, милая. Зато есть очень вкусный чай. И давай только аккуратнее в этот раз, — с мягкой усмешкой напомнил он, водружая стакан на её поднос.

— Ну он же вовсе невкусный... я хотела кофе. Мне уже можно. Папа разрешил... — предприняла Эвелин ещё одну попытку, пустив в ход свой главный аргумент.

— Эвелин. Детям нельзя эту гадость. А с твоей энергией он тебе и подавно не нужен, уж поверь! — добродушно отрезал мистер Грен. — Сама донесёшь? Или помочь?

— Донесу. И вовсе это не гадость, — буркнула она и, подхватив поднос, отвернулась от стойки, оглядывая зал.

В столовой всё было привычным: плоские лампы на потолке, серые стены, четыре небольших металлических столика и такие же невзрачные стулья. Выделялся лишь один: на его деревянной спинке ножиком было старательно вырезано её имя с кривоватым цветком, а сами царапины густо замазаны синим фломастером. Туда, на своё законное место, она и направилась. Усевшись спиной к раздаче, Эвелин принялась неохотно ковыряться в еде.

Пока она перебирала вилок ненавистные макароны, хлопнула дверь и за спиной раздался знакомый, немного хриплый голос:

— Грен, надеюсь, ты не забыл о моей скромной просьбе и захватил нитки?

— Да, доктор Вейл, вот они.

— М-да. Даже нитки здесь серые. Но премного благодарен.

— Дядя Лоуренс! — Эвелин резко обернулась. Исцарапанный стул с грохотом отлетел назад, а девочка расплылась в широченной улыбке.

— Эвелин?! Ну что за чудесная улыбка! — картинно восхитился Вейл, разглядывая темнеющую где-то сбоку щербинку от выпавшего зуба.

— Спасибо, — слегка смутилась она, не раскусив подвоха.

— Ну что? Пойдёшь со мной? Будем учиться шить, — усмехнулся Вейл и, покрутив перед ней катушкой серых ниток, подмигнул ей и не спеша двинулся к выходу.

— Да! Конечно! Иду! — Схватив поднос с остывающими макаронами, Эвелин бросила его на стойку, на ходу махнула опешившему Грену рукой и пулей вылетела в коридор, забыв даже про яблоко.

Спустя какое-то время они устроились в комнате с той загадочной дверью. Вейл покопался в кармане своего белого халата и с заговорщицким видом выудил конфету в ярко-красном фантике с золотым узором.

— Ого! Спасибо, дядя Лоуренс! — просияла Эвелин и проворно спрятала угощение в карман.

— Всегда пожалуйста! А теперь, если юная леди изволит, я займусь починкой своих многострадальных, но уже таких привычных портков. — Он указал на небольшую прореху на колене, вытащил иголку, вколотую прямо в катушку серых ниток, и, театрально и громко вздохнув, попыток: — А пока я борюсь с этим жестоким и страшным испытанием для страдающих дальновзоркостью людей, ты можешь скрасить мой труд какой-нибудь историей.

Эвелин на секунду задумалась, а потом затараторила без умолку:

— Я... я вот совсем не пойму, дядя Лоуренс! Мистер Лем сегодня рассказывал мне про звёзды и показывал рисунки созвездий. Он сказал, что вот это — Большая Медведица. Но на рисунке был обыкновенный ковш! И при чём тут медведица? — возмутилась она и вдруг сама же себе ответила: — Тогда получается, что это просто большой ковш, а он всё это придумывает?.. Прямо как я?..

На Эвелин вдруг снизошло озарение, которое выдало и её собственные фантазии.

— Всё верно, маленькая леди. Но чуточку сложнее. Ковш — это ведь лишь самая яркая часть созвездия, а остальные звёзды заметить гораздо труднее, — невозмутимо объяснял Вейл, щурясь и безуспешно пытаясь продеть непокорную нитку в ушко. — Когда-то давно люди соединили все эти точки вместе и разглядели в темноте медведицу.

— А ещё... мистер Лем сказал, что свет от некоторых звёзд летит к нам много-много лет. Представляешь, дядя Лоуренс? То есть сама звезда очень далеко, а её свет всё ещё идёт! И когда ты на неё смотришь, ты видишь не то, что происходит сейчас. Ты видишь, как было раньше. Давно-давно. Это странно, да? Но так красиво. И значит... Значит, мы видим тот же самый свет, на который смотрели динозавры? — Эвелин пытливо заглянула Вейлу в глаза, ожидая ответа.

— Не совсем так. Тот свет уже давно пролетел мимо Земли. Вот представь, что звезда непрерывно отправляет к нам один огонёк за другим. Те огоньки, которые видели динозавры, давно унеслись дальше во тьму. А вот тот свет, который дошёл до нас сейчас, начал свой путь, когда они ещё бродили по нашей планете. И он летел миллионы лет. За это время динозавры исчезли, появились люди, пронеслось невообразимо много времени, а он только теперь добрался до наших глаз.

— Значит, когда он вылетел, динозавры ещё были, а когда прилетел, их уже давно не стало? — тихо спросила Эвелин.

— Именно. Поэтому, глядя на свет таких далёких звёзд, мы словно смотрим глубоко в прошлое.

— Вот и попались, дядя Лоуренс! А ещё говорили, что динозавра можно найти даже здесь. А их, оказывается, давно уже нет! — залиvistо рассмеялась Эвелин.

— Вот я и твержу ему постоянно, что ты далеко не глупая девочка. — Вейл на мгновение опустил руки и тепло взглянул на неё, затем устало потянулся в кресле и снова вернулся к своей непокорной нитке.

— Кому — ему? — растерялась Эвелин.

— Да динозаврам, которые здесь обитают, — тепло рассмеялся Вейл.

Эвелин тем временем уже подошла к широкой стальной двери, встроенной в стену.

— А вот и враки всё это! Я заходила в такую дверь, дядя Лоуренс. — Эвелин принялась звонко постукивать костяшками пальцев по гладкой поверхности. — Ничегошеньки там нет. Никаких страшных динозавров.

— Ну... допустим, один старый динозавр сидит прямо в этой комнате, — снова добродушно рассмеялся Вейл, но вдруг резко замолчал и, посмотрев на Эвелин, приложил указательный палец к губам.

Эвелин, увлечшись мыслями о том, как бы разгадать секрет, по инерции стукнула по загадочной двери ещё раз. Ровно в этот момент щёлкнул замок, дверь из коридора распахнулась и пороге возник отец.

— Эвелин, — негромко позвал он.

— Да, папа? — Отскочив от загадочной двери, Эвелин метнулась к кулеру, схватила пластиковый стаканчик и принялась делать вид, что наслаждается изумительно вкусной, но совершенно невидимой водой.

— Пойдём со мной.

— Я ничего не трогала, она сама разбилась! — на всякий случай затараторила Эвелин. Увидев, что отец чем-то сильно расстроен, она тут же решила, что всё дело в разбитой тарелке. Однако он даже не обратил внимания на её признание и уже обращался к Вейлу:

— ...Мы с Эвелин поднимемся на площадку. Подышим воздухом.

Из всего разговора до неё долетели только эти слова. И тут же, не в силах сдержать восторг, она завопила:

— Ура-а-а-а!

— Но сначала зайдём ко мне.

Это воодушевило её гораздо меньше. Впрочем, радости всё равно не убавилось. Коротко кивнув Вейлу, отец вышел в коридор.

Когда они вошли в кабинет, папа почему-то завёл странный разговор о том молчаливом мальчишке, который жил за стеклом. А Эвелин думала совершенно о другом: ей было ужасно стыдно. Дядя Лоуренс! Она же забыла позвать его с собой. И раз папа просит навещать того мальчишку, значит, она может предложить честный обмен и всё исправить.

— А можно мне тогда... можно мы, как в тот раз, снова пойдём наверх ночью смотреть на звёзды? И дядю Лоуренса с собой возьмём?

Отец молчал. Эвелин показалось, что он обдумывает условия.

— Или хотя бы чуточку дольше там побыть, — поспешила она улучшить своё предложение, решив спросить про Вейла чуть позже.

Но тут отец зачем-то достал из шкафа какую-то машинку и принялся сбивчиво про неё рассказывать. Будто не то эта машинка, не то мальчик, не то они оба невероятно важны для его работы. Эвелин послушно тарасилась на неё, делая вид, что ей очень интересно. Но мысли её витали далеко. Она должна взять с собой мамину фотографию — и тогда они втроём будут гулять там, наверху.

Размышляя, под каким бы предлогом сбежать в свою комнату, она задумчиво потрогала машинку пальцем. И, подняв глаза на отца, всё-таки решилась просто честно ему признаться. Но он вдруг оборвал сам себя:

— ...неважно. Пойдём гулять?

«Наконец-то!» — выдохнула про себя Эвелин. И в эту же секунду передумала расстраивать папу. Ведь он всегда становился таким грустным, стоило ей заговорить о маме.

— Да! Только мне нужно забежать за... леди Бардак!

— За кем? — не понял отец.

— Леди Бардак! Она живёт в замке из одеял и тоже пойдёт со мной наверх! — на ходу соврала Эвелин.

Спрыгнув со стула, она радостно метнулась к двери, но, услышав, что папа за ней не пошёл, обернулась. Отец всё так же продолжал стоять посреди кабинета, закрыв лицо руками. Ну вот. Он всё-таки догадался про мамину фотографию, и ему стало грустно-грустно.

Что ж, значит, фотографию она возьмёт с собой наверх в следующий раз. Мама ведь не обидится и обязательно всё поймёт. Эвелин знала это точно.

Глава 6

— ...и ты правда хотела бы выращивать эти свои модифицированные культуры? — спросил Адриан, безуспешно пряча свою широкую улыбку за напускной серьёзностью.

— Ну... называются они немного иначе, но ты только представь: благодаря нам могли бы колоситься бескрайние поля, искрящиеся под солнцем. Это ведь не запертое в клетке существо, которое дрожит и смотрит на тебя так, будто умоляет об избавлении... — Мечтательная улыбка на миг сошла с её губ, но тут же вернулась. — А просто росток, который тянется вверх, к свету. И однажды накормит множество людей. Разве не об этом нам стоит мечтать, Адри?

Створка окна была приоткрыта, и тёплый летний ветер лениво перебирал лёгкую занавеску. В приглушённом свете ночника Эли склонилась над кроватью годовалой девочки, бережно укрывая её краем одеяльца.

— Ты только представь: на самом краю этих полей стоит маленький домик. Черепичная крыша, веранда вся в зелени. И там — ты. Совсем старенький, седой-седой. Сидишь у камина в плетёном кресле и своим хриплым дедушкиным голосом, постоянно поправляя очки, рассказываешь внукам истории. И, зная тебя... в основном сказочные! — тихо рассмеялась Эли. — Например, о том, как однажды пропала луна. Она скрылась за густыми облаками, но ты-то был уверен, что она просто упала где-то в лесу. И, отважно взяв фонарь, отправился её искать! Или... или как ты стоял за штурвалом корабля! Вокруг бушевал страшный шторм, волны били в борта, гром сотрясал небо, а молнии сверкали над самой мачтой. И в тот момент, когда вдали замерцал спасительный маяк, ты бы обвёл их всех серьёзным взглядом и заговорицки произнёс...

Она понизила голос, изображая его:

— Там, у маяка, меня ждала ваша бабушка... Мне нужно было добраться до неё любой ценой. В руках я бережно сжимал букет редчайших белых магнолий, добытых на таинственном острове во время дальнего плавания...

Эли лукаво прищурилась:

— Детишки тут же придвинулись бы поближе, глядя на тебя широко раскрытыми глазами. А я бы знай себе посмеивалась рядом...

— Ты нарвал сирень в парке. А кораблём была крошечная лодка, привязанная у берега городского пруда, — произнесла она уже за бабушку.

Затем насупилась, изображая седого дедушку Адриана:

— Размер судна никак не умаляет мужества капитана.

— Ты прыгнул в лодку, не удержал равновесия и сразу плюхнулся в воду!

— Меня застала внезапная качка.

— Пруд был абсолютно спокоен!

— Самые опасные волны всегда приходят незаметно.

Уже фантазируя на ходу и всё больше увлекаясь, Эли разыгрывала сценку сразу за двоих. Она то хмурила брови и смешно ворчала старческим голосом за дедушку, то хитро улыбалась и отвечала за бабушку — уже своим, настоящим голосом, который вдруг зазвучал ещё нежнее. И по счастливому блеску её глаз было видно, какое огромное удовольствие ей доставляет эта игра.

— Дети бы покатались со смеху, — заговорицки понизила она голос. — А ты, выждав, пока они утихнут, с достоинством произнёс бы...

Эли снова напустила на себя дедушкину серьёзность:

— Но букет я спас.

— *Всего одну мокрую веточку сирени, — поправила бы я тебя. — Она лукаво улыбнулась. — А ты посмотрел бы на меня поверх очков...*

— *Самую красивую, — произнесла она за него, уже без смешного старческого ворчания.*

— *А я подошла бы совсем близко и, ласково положив руку тебе на плечо, согласилась...*

— *Самую красивую...*

Адриан всё это время слушал не перебивая, хотя по его лицу было видно: он едва сдерживает смех. Эли же, полностью отдавшись своим светлым мечтам, увлечённо продолжала:

— *И от тебя веет... знаешь, таким... теплом. Ты только представь, какой огонёк ты зажжёшь в них. Тот, что они пронесут через всю жизнь, бережно храня в самом сердце, чтобы однажды согреть им уже своих детей. Поверь мне, Адри. — Эли с улыбкой перевела взгляд на кровать. — Я ей уже все свои истории пересказала. И пусть пока она не понимает ни словечка, зато как внимательно слушает! А вырастет — приведёт к нам своих малышкой. Вот им-то ты и будешь рассказывать про луну, корабли и таинственные острова... Знаешь, я прямо вижу это. Как ты сидишь в своём любимом кресле, на коленях у тебя внучка — притихла, слушает, боится пропустить хоть слово. Рядом Эви — совсем уже взрослая и безумно красивая — укачивает младшенького. А я стою чуть в сторонке, смотрю на вас всех... и понимаю, что большего в жизни и не нужно. Вот оно, настоящее счастье, Адри.*

— *У меня ко всей этой идиллии ровно два вопроса, — искренне рассмеялся Адриан. — Почему я старый, почему я в каких-то очках и откуда ты вообще всё это берёшь?*

— *Так нечестно, это уже три вопроса! — парировала Эли, и её глаза счастливо засияли.*

— *Ну... допустим, очки и старость мы объединим в один пункт, — сквозь смех согласился он. — Но ты всё равно не ответила.*

— *Потому что я тебя таким вижу! Старенький такой дедулечка в очках, сидит себе в кресле... — Эли уморительно сощурилась, изображая его в старости. — И на каждый мой вопрос переспрашивает: «Что ты сказала, дорогая?! Я так плохо слышу, говори громче!»*

— *Это всё, конечно, очень забавно. Но давай мы сначала немного поживём молодыми? Не торопись нас старить, — беззаботно отозвался Адриан.*

— *Конечно! Я не буду! У нас будет самая лучшая жизнь, вот увидишь, Адри!*

— *И всё-таки... ты не ответила на второй вопрос. Откуда это в тебе? — с улыбкой спросил он.*

— *Просто... я в детстве всегда об этом мечтала. Как дедушка ведёт тебя за руку, как ты выпрашиваешь у него новую историю, и он ласково рассказывает — про дальние страны и про всевозможные чудеса... — Эли перевела взгляд на спящую дочку и грустно улыбнулась. — Знаешь, я смотрю на неё, на нашу Эви... и понимаю: я ошиблась с этой работой. Я так большие не могу. Честно. Это не наше, Адри. Я же вижу, что тебе всё это тоже не по душе. Я чувствую это...*

Адриан на мгновение прикрыл глаза, словно сдаваясь, и негромко произнёс:

— *Хорошо, милая. На следующей же неделе я поговорю с Виктором.*

Он ласково улыбнулся и сделал шаг вперёд, раскрывая руки, чтобы обнять её, — и в ту же секунду провалился в абсолютную темноту. И тут же тишину разорвал истошный крик:

— *АДРИ! СПАСИ! АДРИ!*

— *Я не смог! — надрывно, задыхаясь, кричал он в пустоту. — Пойми ты уже! Не смог!..*

Марш резко распахнул глаза и со свистом втянул воздух, рывком садясь на кровати. Тело было напряжено до предела, лоб покрылся ледяной испариной. Он так и замер, боясь пошевелиться и не решаясь снова опустить голову на подушку.

Это был один из тех кошмаров, что душили его в первые месяцы после случившегося. Такого не повторялось уже очень давно, и Марш был уверен, что прошлое наконец его отпустило.

— *Неужели опять... — хрипло прошептал он, вглядываясь в темноту комнаты.*

Он даже не помнил, сколько просидел вот так, уставившись в одну точку. Когда его взгляд наконец упал на электронные часы, они показывали 04:50.

Медленно поднявшись, Марш нащупал выключатель. Потолочная лампа, пару раз моргнув, нехотя разгорелась, наполнив комнату светом и тихим, монотонным жужжанием.

— Так-то лучше, — тяжело выдохнул он.

При свете ночной кошмар окончательно отступил, уступив место привычному раздражению. Ложиться снова не имело смысла. Куда полезнее было загрузить голову делом — привести себя в порядок и проверить ночные записи одиннадцатого.

«Может, хоть там есть сдвиг, и он перестал сидеть на койке до самого утра, пялясь на свою руку», — ухватился за спасительную мысль Марш, шаг за шагом возвращая контроль над собой.

Он шагнул в узкую дверь санузла и, опершись о край металлической раковины, поднял глаза к мутному зеркалу. На него смотрело серое, осунувшееся лицо с глубокими тенями под глазами. Марш перевёл взгляд на заметную паутинку морщин у висков, затем на жёсткий каштановый ёжик волос и небрежную щетину, которых уже коснулась седина.

И когда он только успел так постареть?

Марш с силой вдавил кнопку крана, и из носика неохотно потекла тонкая струйка прохладной воды. Зачерпнув воду в ладони, он плеснул её в лицо, смывая с кожи липкие остатки ночи. Затем взял дешёвый пластиковый станок и принялся соскребать щетину, то и дело ударяя по кнопке, чтобы ополоснуть лезвие под скудным потоком.

«Надо сказать Карвер, чтобы сделала пометку в заявке снабжения: пусть в следующий раз закажут другие бритвы. Этими пытаться можно. И чтобы этот проклятый идиот Рендалс наконец разобрался с напором — вода еле сочится! — и починил эту жужжащую лампу, которая скоро сведёт меня с ума. Почему я должен думать обо всём в этом месте?! — со злостью размышлял Марш, с нажимом проводя лезвием по шее. — Если самому за всем не следить, всё рассыплется к чертям. Вечно нужно тыкать носом в каждый недостаток».

Он ополоснул лицо в последний раз и вытерся жёстким серым полотенцем.

«Ладно. Изучу пока записи, а когда все проснутся — вызову Карвер, пусть она разбирается с персоналом», — решил Марш. На неё, по крайней мере, всегда можно было положиться.

После этого он зайдёт за Эвелин. Вчера их выход на площадку сорвался: в последний момент Карвер доложила о срочном звонке Норта из Центра, и им пришлось развернуться уже у самого лифта. Но, к его удивлению, узнав, что прогулка просто откладывается на утро, дочь ни капли не расстроилась.

Закончив наконец с утренней рутиной, Марш вышел в узкий коридор жилого блока. Часы показывали 5:15. Под тусклым дежурным освещением он направился к своему кабинету, в пустой тишине ритмично и гулко отдавались его шаги. Звук собственных подошв да ровный гул вентиляции — вот и всё, что слышал Марш.

Остановившись у кабинета, он приложил карту к считывателю. Загорелся зелёный индикатор, и замок коротко щёлкнул. Марш толкнул дверь и, шагнув в полумрак, невольно замер — по спине снова скользнул неприятный холодок. Чертыхнувшись про себя, он торопливо ударил по выключателю, и помещение мгновенно залило ровным, холодным светом.

— Хоть здесь всё работает как надо, — вслух выдохнул Марш. Он вставил карту в панель изнутри, отключая блокировку замка. Скоро подчинённые потянутся с докладами, не вставать же ему на каждый стук.

Пройдя к столу, он опустился в кресло. Так недолго и с ума сойти. Превратиться в параноика. Марш покачал головой и, потеряв переносицу кончиками пальцев, нажал кнопку терминала. Экран ожил, залил стол синим светом. Пробежав пальцами по клавиатуре, он вбил длинный код доступа.

Этот привычный, механический ритм понемногу успокаивал его, задвигая ночной кошмар куда-то на задворки сознания.

Вызвав нужную директорию, Марш открыл записи и вывел на экран видео.

Таймкод: 00:12. Одиннадцатый сидел на краю кровати, опустив голову, и неотрывно смотрел на свои руки.

Марш потянул ползунок хронометража вперёд.

01:36 — та же поза, тот же остекленевший взгляд.

02:16, 03:10, 04:20... Без изменений. Статичная фигура в серой робе.

Марш скрипнул зубами. Шесть списанных прототипов числились за Вейлом, одиннадцатый же мог стать пятой неудачей самого Марша. Он подошёл вплотную к черте, за которой руководство Центра просто спишет его.

Но ведь он своими глазами видел знак. Видел, как заинтересованно тот сфокусировал взгляд на Эвелин.

Марша снова начала охватывать волна горячего раздражения. Что с ним делать? Фиксировать ремнями на ночь?!

Марш приблизил изображение лица. И, приглядевшись, замер: губы мальчика едва заметно шевелились. Его охватило знакомое чувство азарта, какое всегда появлялось перед важным открытием.

Марш ударил по пробелу, вернул запись на десять секунд назад и включил звук. Из динамиков донеслось лишь монотонное шипение вентиляции. Он прибавил громкость, но голоса всё так же не было слышно. Тогда Марш переключился на отдельную аудиодорожку с прикроватного микрофона и выкрутил ползунок на максимум.

Сквозь дыхание и треск проступил голос. Слова были неразборчивы, но ритмичны:

— ...аленький. Не бойся. Они не сделают тебе больно. Не сделают тебе больно.

Марш остановил запись. Быстро сменил ракурс, переключившись на камеру в другом углу. Одиннадцатый смотрел строго в центр своей левой ладони, держа пальцы слегка полусогнутыми.

Выключив звук, Марш выкрутил цифровой зум, максимально приближая изображение к руке, и снова запустил видео. На бледной коже ладони не было ничего: ни гематом после электростимуляции, ни меток, ни царапин.

Он снова нажал паузу, отмотал назад, вернул звук и вслушался в это бормотание:

— ...от этих впивающихся пальцев. Защищу. Они никогда. Никогда не сделают тебе больно. Не бойся.

Марш снова и снова прогонял эти секунды: слушал дорожки по очереди, менял ракурсы, до предела увеличивал изображение. Вглядывался в мимику и в то, как осторожно замерла кисть.

С кем он там разговаривает? Ранняя форма шизофренического расщепления? В голове проносились десятки версий — и ни одна не сходилась.

Марш взгляделся в увеличенное изображение и сквозь зернистость пикселей наконец увидел то, на чём мальчик так отчаянно концентрировал взгляд: переплетение глубоких линий в центре ладони складывалось в крошечный силуэт, отдалённо напоминающий фигурку человека.

На губах Марша медленно появилась сухая, торжествующая улыбка.

— Ты выдумал себе игру. Защищаешь человечка на ладони от собственных пальцев... Вот почему ты не спишь, — вслух проговорил Марш, довольный тем, что всё-таки разгадал эту аномалию. — Ты не пытаешься себя покалечить. Тебе просто не с кем поговорить.

Конечно, с клинической точки зрения такой уход в иллюзорный мир прямо сигнализировал об угрозе разрушения психики прототипа. Но теперь причина была ясна. А значит, подавалась коррекция.

Марш глянул на часы в углу терминала: 07:15.

За анализом записей два часа пролетели как одна минута. Он протянул руку к селектору внутренней связи и нажал клавишу. Динамик отозвался мгновенно:

— Да, доктор Марш.

— Карвер, зайдите ко мне. Срочно.

— Поняла. Буду через две минуты.

Марш откинулся на спинку кресла и поймал себя на мысли, что ещё час назад такие мелочи, как гудящая под потолком лампа, всерьёз выводили его из себя. Теперь же всё это казалось ему несущественным. Нервное напряжение, сковывавшее тело с самого пробуждения, наконец-то отступило.

Сначала он обсудит открытие с Карвер и раздаст ей поручения. Затем — кофе и быстрый завтрак. А после он пойдёт за тем, кто поможет ему стабилизировать психику прототипа.

Уж с этим маленьким помощником Марш знал, как договориться.